

Глава 81. Суд Круглого стола

В сердце Ли Цзяньчуаня внезапно шевельнулось странное, необъяснимое предчувствие.

В зале заседаний на мгновение воцарилась тишина, но лишь для того, чтобы в следующую секунду взорваться еще более яростным шумом. Камеры и микрофоны, подобные острым наконечникам копий, пронзили толпу, нацелившись в первый ряд.

Детективы бросились наперерез, пытаясь удержать порядок. Сидни, вцепившись в микрофон, что-то хрипло кричал. Боб помрачнел, его лицо стало тяжелым. Андре, запертый в стеклянной кабине, сверлил спину Ли Цзяньчуаня взглядом покрасневших глаз.

Карточка для ответов и ручка окончательно истаяли.

Он мельком взглянул на таймер над Вратами Суда, после чего резким движением отодвинул стул. Растолкав тех, кто пытался его остановить, он нырнул в тихий угол, где гул толпы был не таким оглушительным, и быстро набрал номер.

После пары гудков на том конце немедленно сняли трубку.

— Не волнуйся, я знаю, о чем ты хочешь спросить.

Голос Нин Чжуня звучал приглушенно, в нем слышалась едва уловимая прохладная улыбка. Он подействовал на Ли Цзяньчуаня как свежий ночной ветер, мгновенно остудив вспыхнувшую в душе тревогу.

— Все игроки, попадающие в игру «Пандора», оставляют свои тела в реальности. Сюда проникает лишь осознанная сущность. Брат, ты помнишь, что говорил Наблюдатель в раунде «Смертельной викторины»? Монстры магического ящика, обретшие самосознание, зовутся Наблюдателями. И один из способов для них стать сильнее и вырваться из оков игры — это поглощение чужого разума, то есть сознания игроков.

Нин Чжунь сделал короткую паузу и негромко рассмеялся:

— Но в этом раунде я не игрок. Мою сущность невозможно поглотить. Не переживай, никто не сможет забрать то, что принадлежит мне, не заплатив за это сполна.

Ли Цзяньчуань прислонился к стене, чувствуя, как напряженные мышцы груди наконец расслабляются.

— Я не спрашивал об этом прямо, но полагаю, ты и сам не можешь дать мне все ответы. Это программное ограничение? Запрет на передачу информации? Или же прямая подсказка может

нарушить ход ключевых событий? — спросил он.

— Скорее последнее, — мягко ответил Нин Чжунь. — Всё зависит только от тебя. Твой первый магический ящик даст часть ответов. Изначально я пришел сюда, чтобы помочь тебе заполнить его, но на поверхность вылезла какая-то мерзость, с которой нужно разобраться. Поэтому на следующие два раунда Суда мне придется уйти.

— Удачи тебе, брат.

В голосе Нин Чжуна промелькнула низкая, почти интимная хрипотца, за которой последовал короткий смешок. Прежде чем Ли успел что-то ответить, связь оборвалась резким, болезненным треском статических разрядов.

Ли Цзяньчуань попытался перезвонить, но номер уже не существовал.

«Два раунда...»

Он опустил руку с телефоном.

Если верить официальным правилам Круглого стола, второй этап только что завершился, и впереди оставалось еще три. Нин Чжунь никак не мог ошибиться в таких расчетах, а уж тем более — намеренно вводить его в заблуждение. Значит, структура игры собиралась измениться.

— Прокурор Лос, вы ответите за свои слова!

Один из детективов уже тянулся к плечу Ли Цзяньчуаня. В это же время несколькими журналистам удалось прорваться сквозь кордон; они неслись прямо на него, вскидывая камеры.

— Прокурор Лос, не могли бы вы подробнее...

Вспышка фотоаппарата ослепила его, ударив по глазам. Он инстинктивно прищурился.

И именно в это мгновение его слух, обострившийся до предела, вычленил из общего хаоса тот самый звук — приглушенный хлопок выстрела из оружия с глушителем.

Он молниеносно перехватил ближайшую камеру и выставил её перед собой. Грянул взрыв — пластик и стекло разлетелись вдребезги.

Зал наполнился пронзительными криками ужаса. Полицейские, побелев как полотно, начали

выхватывать табельное оружие. Ли Цзяньчуань мощным ударом ноги перевернул тяжелый стол первого ряда, создавая баррикаду, и в два прыжка достиг Врат Суда.

Цифры на электронном табло замерли на нуле.

Он рванул на себя ручку и шагнул в проем. Прежде чем густая, вязкая тьма окончательно сомкнулась над ним, Ли Цзяньчуань успел бросить последний взгляд назад.

Андре исчез из стеклянной клетки. На губах Боба играла едва заметная улыбка. Джонни даже не потянулся к кобуре — он широко раскинул руки, якобы пытаясь унять панику среди прессы. Руководство полиции и прокуратуры тщетно пытались успокоить перепуганных горожан.

«Кто же выпустил ту "знакомую" пулю?»

Пространство схлопнулось, и перед глазами всё померкло. Секунда свободного падения — и вот он уже твердо стоит на ногах, щурясь от яркого света внутри лифта. Кабина продолжала свое бесконечное движение вниз.

Ли взглянул на экран. Время почти то же, что и после прошлого этапа — седьмой час. До восьми, когда начнется ужин, оставалось около тридцати минут.

Он сполз по металлической стенке на пол, не отрывая взгляда от электронных часов.

Время в игре всегда вело себя странно, словно в разных сценариях действовали свои временные линии. Невозможно было понять, сколько этих линий существует и пересекаются ли они в какой-то единой точке.

Он попытался проанализировать пройденный путь.

В делах Потрошителя и частной школы Фэнчэн время текло линейно, в рамках привычного суточного цикла. Но во втором раунде, во время «Смертельной викторины», существовало сразу три временные линии, а за всю игру был лишь один полноценный ужин. Это означало, что реальное игровое время там не превышало сорока восьми часов.

Теперь же, в Суде Круглого стола, радио с самого начала объявило: каждый этап длится восемь часов. Однако время, проведенное им внутри дел, время в лифте и время за самим столом никак не укладывалось в эти рамки.

Здесь крылся важный нюанс: описание времени в Законах и способностях. Еще со второго раунда он догадывался, что любые временные ограничения в способностях привязаны к восприятию самого игрока, а не к некоему абстрактному стандарту. Но если это восприятие идет вразрез с реальностью, Закон неизбежно будет нарушен.

Впрочем, в этой системе явно были лазейки, которыми можно было воспользоваться.

Он не сводил глаз с электронных часов, пока кабина не вздрогнула и не замерла. Лишь тогда Ли Цзяньчуань прикрыл глаза, потер виски и поднялся.

Восемь часов вечера. Ужин Пандоры начался.

Это был третий прием пищи в этой игре. Если в прошлый раз за столом не досчитались троих, то сейчас потери были куда серьезнее — из всей группы осталось лишь шесть человек.

Во втором этапе погибло пятеро. Ли бегло осмотрел пустующие кресла. Очевидно, несмотря на разные роли и сценарии, базовые правила для всех были одинаковыми. Если бы не правило «смертельного касания», эти осторожные «старые лисы» вряд ли бы так легко расстались с жизнью.

Градация сложности в «Пандоре» была очевидной. Игры с новичками, вроде школы Фэнчэн, были примитивными. Те, где участвовали опытные игроки и ветераны — среднего уровня. А «высшая лига», о которой вскользь упоминал Нин Чжунь, предназначалась для владельцев магических ящиков; там смертность была запредельной.

Теперь, когда было точно известно, что Нин Чжуня за столом нет, Ли Цзяньчуань сменил тактику. Он всегда был готов идти на риск, даже если цена победы была велика, но рисковать жизнью Нин Чжуня он не мог.

[Поздравляю судей с завершением второго раунда.]

Белые свечи затрещали. Из центра стола раздался зловещий скрежет радио:

[Второе судебное разбирательство объявляется открытым. Порядок прежний: самовыдвижение, суд, награда и наказание. Предмет разбирательства: «Кто выколол глаза черной кукле Барби?». Добро и зло, грех и спасение — это всегда лишь вопрос выгоды...]

[Переходим к процедуре самовыдвижения.]

[Сидящие за Круглым столом должны быть честны и нести ответственность за свои слова. Каждый из вас должен произнести одну фразу, имеющую отношение к истине этого раунда. Ложь недопустима.]

Атмосфера в зале стала гнетущей. Шесть фигур, скрытых черными капюшонами, хранили молчание, изучая друг друга. Речь радио почти полностью копировала первую встречу, но в деталях появились отличия.

Фраза «нести ответственность за свои слова» прозвучала впервые. Никто не сомневался, что это не пустая формальность.

Ли Цзяньчуань покосился влево. Епископ слева, подставивший его в прошлый раз, был жив, а вот два его сообщника исчезли — вероятно, погибли в ходе своих миссий. Он вспомнил Пита, встреченного им в море: тот явно действовал в паре с кем-то из игроков.

Он еще раз окинул взглядом оставшихся пятерых, после чего, решив придерживаться выбранного образа, произнес хриплым голосом:

— К чему такая серьезность?

Пять пар глаз мгновенно впились в него, словно острые иглы.

— Я начну, — он проигнорировал их давление. — Я нашел куклу Барби в доме Лауна.

На мгновение воцарилась тишина, после чего Епископ слева холодно усмехнулся.

— Ты кажешься слишком уверенным, а уверенность часто перерастает в самоуверенность.

Бросив эту язвительную реплику, он сменил тон на ледяной и произнес свою фразу:

— Где бы я ни был, глаза куклы Барби всегда следят за мной.

Молчание было нарушено. Остальные четверо тоже заговорили.

Игрок, представлявший фигуру Рыцаря, произнес:

— Когда я увидел куклу Барби во второй раз, я выполнил задание...

— Кукла Барби ищет своего хозяина.

— ...Она сказала, что она живая.

— Я решил сначала убить её, а затем выколоть ей глаза.

В отличие от одиннадцати высказываний первого раунда, сейчас прозвучало лишь шесть. Радио никак не отреагировало, а значит, каждое слово было правдивым, пускай и пугающе двусмысленным.

Еще во время первого суда он понял: цели у всех могут быть одинаковыми, но обстоятельства обнаружения — всегда разные. Если Клоун в первый раз всегда прятался в ванной, то не факт, что он у всех был заперт за зеркалом. Так и с куклой: она могла быть в доме Лауна у него, но находиться в другом месте у остальных. И эти различия явно зависели от того, в какие Врата вошел игрок. Существовал ли скрытый критерий выбора или всё действительно зависело от удачи?

И еще — погибшие игроки. Несмотря на их смерть, их фигуры на миниатюрном столе всё еще можно было сбросить при выборе убийцы. Круглый стол не выпускал их из игры. Для него они оставались подозреваемыми.

Но кто же истинный виновник в деле с глазами Барби? Он вспомнил свои самые смелые догадки и сделал выбор.

[Процедура самовыдвижения завершена.]

[Суд начинается.]

Перед каждым игроком вновь возникли миниатюрные столы с шахматными фигурами. На них по-прежнему было четырнадцать стульев — число не изменилось, несмотря на гибель участников.

[Судейская скамья соответствует каждому из вас. В этот миг вы одновременно и судьи, и обвиняемые...]

Радио повторяло заученные правила. Белый туман сгустился, отсекая игроков друг от друга. Он откинулся на спинку кресла и прищурился, глядя на шахматные фигуры.

В процедуре высказываний крылся подвох. Если каждый из четырнадцати мог быть убийцей, то как игроки, погибшие в первом раунде, могли выполнить задание во втором? У мертвых не было возможности высказаться, и понять, были ли они виновны, невозможно. Если среди них есть истинный убийца, способный действовать после «смерти», значит, они на самом деле не мертвы.

Но ведь ужин Пандоры — это абсолютный индикатор гибели. «Пандора» не противоречит сама себе. Значит, «жизнь» этих мертвецов была иного рода.

Ли Цзяньчуань негромко постучал пальцами по подлокотнику и резким движением опрокинул одну из фигур. В тишине зала послышались щелчки — остальные игроки тоже сделали свой выбор. В этот раз они думали куда меньше, но атмосфера после принятия решения стала еще более тяжелой и напряженной. Ко второму раунду каждый из них нащупал нить истины и готов был обнажить клыки.

[Суд окончен!]

Туман начал медленно рассеиваться, миниатюрные столы растаяли в воздухе. Механический голос радио объявил:

[Король-калека — два голоса. Просим на скамью подсудимых!]

Ли Цзяньчуань резко вскинул голову, и в то же мгновение его тело захлестнуло яростное пламя.

— Гх!

Невыносимая, осязаемая боль от ожогов заставила его вцепиться в подлокотники так, что побелели костяшки. Он стиснул зубы, подавляя рвущийся из горла стон. Тело выгнулось в кресле, подобно натянутому луку; сквозь рев пламени слышалось тяжелое, хрипкое дыхание. Холодный пот градом катился по лбу, мгновенно испаряясь от чудовищного жара.

С трудом концентрируясь сквозь агонию, он прислушался к стрекоту радио.

[Суд Круглого стола начался... Идентификация измерений запущена... Вердикт: обвинение отклонено!]

[Король-калека не является тем, кто выколол глаза черной кукле Барби. Инверсия Круглого стола! Король-калека признан невиновным. Просим невиновного осуществить свое право!]

С резким свистом пламя начало отступать, и боль стала затихать. Грудь Ли Цзяньчуаня тяжело вздымалась. Он медленно выпрямился среди гаснущих языков огня и перевел взгляд на застывшего Епископа слева. Его брови хищно приподнялись.

— Вы боитесь? Напрасно, господин полицейский.

Епископ медленно повернул голову к нему.

Он коротко рассмеялся:

— Могу поспорить, вы не Боб и не Джонни. В этом раунде Боб — не игрок, а у Джонни явно не хватило бы ума так методично травить меня, постоянно меняющего маски... Кроме того, перед собранием я изучил множество архивов. В том числе и досье Боба.

— У него был наставник, который до сих пор числится в штате управления и доживает свой век на спокойной должности. Сначала я не обратил на него внимания. Но мне «случайно»

понадобилось зайти в один кабинет, и я «случайно» обнаружил, что он находится прямо за стенкой от комнаты наблюдения.

Он сделал паузу, глядя в упор на противника.

— Тот, кто застрелил эксперта-криминалиста и кто пытался убить меня во время выступления... Думаю, это и был именно он.

— А значит, это была до боли знакомая пуля...

Ли Цзяньчуань смахнул капли пота со щеки, и в его глазах вспыхнула холодная, торжествующая усмешка.

— Я ведь прав, господин Старый начальник?

<http://bllate.org/book/15871/1507208>